

3.3.

ВЖС на Демократическом совещании (14.09.1917)

«[...] Корнилово-калединские выступления и участие в борьбе с ними железнодорожников выявило ряд практических шагов, которые диктовались самой жизнью.

Ц.И.К. закрыл все свои боевые организации и снова перестроился на профсоюзную деятельность, однако, необходимо было готовиться ко всяким случайностям. Комитет решил установить более тесную связь с Советами, как на местах, так и в столицах для получения поддержки, когда потребуется помощь союзу. Необходимо было установить тесный контакт с почтово-телеграфным союзом на случай совместных выступлений и для устранения имевших место трений во время контроля над депешами, подаваемыми корниловскими «молодцами».

Кроме того, практика боевых дней указала союзу на необходимость добиться свободы действий в сфере железнодорожных дел государственного значения. На очередь был поставлен вопрос об урегулировании перевозки хлебных грузов. Была избрана хлебная комиссия, которой поручили в первую очередь собрать в министерстве продовольствия сведения о месте нахождения массовых закупок зерна.

Корнилово-калединское выступление поставило и перед Керенским ряд задач. После единоличного управления, он пригласил себе в помощь несколько человек, не формируя пока кабинета. Необходимо было прислушаться к голосу рабочих организаций.

Керенский пишет: «Не нужно забывать, что в это время как раз происходил *здоровый* (курсив мой) процесс *ущерба*, государственно-политического значения Советов».

Ущерб был действительно *здоровый*, только в ином смысле, чем думает Керенский. Я отметил его еще в конце июня в разговорах с рабочими. К сентябрю дело «ущерба» зашло так далеко, что я ждал взрыва с минуты на минуту. Еще можно было его оттянуть, если бы Правительство из коалиционно-буржуазного превратилось в коалиционно-социалистическое. На этом настаивал и президент Советов Р., К. и С. Д. Однако Керенский, не разгадав

причины подъема и сплочения всей демократии во время корниловщины, упорствовал. Есть основания думать, что никто из социалистов и не хотел идти в правительство. Дело было слишком испорчено и слишком много времени ушло на топтание на одном месте. Керенский решился на созыв демократического совещания, где могла присутствовать черная кость вперемежку с серой.

Совещание было создано в Питере, если не ошибаюсь, 10 сентября. Оно представляло из себя всероссийский съезд представителей социалистических партий, кооперативов, союзов и проч. Рабочий! Ну, что делать рабочему на государственных совещаниях?

Описывать Демократическое Совещание я не стану, как сделал это в отношении Учредительного железнодорожного съезда и Государственного Совещания. Тут нужно кропотливое исследование, основанное на документах, а не беглое изложение личных впечатлений. Я ограничиваюсь некоторыми штрихами, характеризующими разбираемый мною момент.

На Совещание съехалось со всех концов России свыше трех тысяч человек, наполнивших сверху до низу обширный Александринский театр. Проскользнул рабочий, но преобладал интеллигент.

От железнодорожного союза были делегированы пятнадцать человек: пять социалистов-революционеров, пять социал-демократов и пять беспартийных. Перед началом совещания нам дали по книжке отрывных талонов, на которых значилось: «Всероссийское Совещание Демократических организаций. Прошу слова. Фамилия, Делегат от...». Я подсчитал талоны. Двадцать штук. И так я могу говорить двадцать раз. Это хорошо. На Государственном Совещании давали говорить один только раз одному представителю организации и то всего четверть часа! На Демократическом Совещании я могу излагать демократические мысли в течение двадцати, а понатужиться, так и в течение тридцати часов. Это было великолепно. Я решил молчать.

Ораторы всех партий, направлений и демократических организаций начинали и кончали свои речи словами:

«Россия на краю гибели». Я насторожил уши. Если в сознание всех организаций залегло так прочно представление о том, что отечество в опасности, из этого, по моему разумению, должно было непременно выйти дело и притом большое дело: объединение сил, конкретная планировка государственного строительства и пр. и пр. Оказалось обратное. Вначале еще слушали друг друга, но потом, при выступлении представителя одной партии, представители других устраивали форменную обструкцию, затем роли менялись. Шум и гвалт. Это было настолько дико, что даже Виктор Чернов, не отличающийся терпимостью в среде своей же партии, и тот вышел и вместо программной речи развел руками и сказал: «Товарищи, что же это такое? Ведь мы не на Государственном Совещании. Ведь это же совещание демократических организаций. Разве можно так держать себя в отношении противника?!» ...

Покойный Г.В. Плеханов, тоже старавшийся успокоить страсти и примирить враждующие стороны, рассказал совещанию о германской сказке, где два кота дерутся так неистово, что от них остаются, в конце концов, только хвосты. Но остановить разошедшихся делегатов было трудно. А рабочие в то время, с серьезными вдумчивыми лицами, тихо стояли, наполняя вестибюль театра, добиваясь впуска в Совещание, для изложения своих взглядов на государственное строительство... Их не впустили. Куда прешь!..

Я молчал. Теперь я считаю это преступлением. Пускай меня освистали бы, осмеяли, прогнали бы с кафедры. Я должен был говорить. В кулуарах меня окружили знакомые. Я заговорил о том, что совершенно не понимаю происходящей борьбы. «Одни отстаивают коалиционное правительство (с кадетами, без кадетов, без правых кадетов и т.д.). Но разве мы не имели коалиционного правительства, разве недостаточно произведенного опыта, чтобы решительно отказаться от его повторения? Другие отстаивают социалистическое правительство, куда войдут преподаватели и даже лидеры всех партий. Но разве это не та же коалиция? Представьте кабинет, составленный из товарищей: Керенского, Ленина, Плеханова, Чернова, Церетелли, Троцкого, Чхеидзе... Я утверждаю, что в ко-

роткий срок Россия очутится не только без правительства, но и даже без государства. Правительство должно быть объединено единством плана и действия. Какое же единство может получиться от коалиционно-социалистического состава правительства?

Если это так, то где же искать выхода? Я полагаю, что если все партии считают Россию на краю гибели, то единственно приемлемым решением явится соглашение всех социалистических партий и фракций подчиниться и всемерно содействовать той из них, которая в настоящий критический момент сможет выставить десять-пятнадцать государственных мужей. Если это будут большевики, мы должны принять их программу, если меньше...»

Тут я внезапно остановился, оглянулся вокруг и убедился, что стою в позе Чацкого на балу у Фамусова. Меня оставили все. Последний из них, при слове «большевики», круто повернулся ко мне спиной и, не дослушав конца фразы, ушел... Это был интеллигент, инженер и вовсе не молодой человек.

Выступил перед совещанием и А.Ф.Керенский. Речи его воспроизводить не буду, но отмечу, что в числе доводов о необходимости твердого (читай – коалиционно-буржуазного) правительства, Керенский указал на то, что в Финляндии тайные революционные организации готовят отпадение Финляндии от России.

Не успел Керенский договорить эти слова, как театр содрогнулся от грома аплодисментов. Керенский в ужасе откинулся назад и прокричал: «Германская эскадра движется к финляндским берегам»... Новый взрыв аплодисментов и ужас на лице министра-председателя. Ясно, что в ту минуту глубокая уже пропасть разделяла Керенского от демократических организаций, и что он был сроднее коалиционно-буржуазному правительству, с его взглядами на единое и нераздельное, эксплуатирование народов, населяющих «государство российское», чем к коалиционно-социалистическому, при котором происходит разная стрижка населения, кого под длинный волос, кого под гребенку.

К концу совещания произведено было голосование. Результат: тысяча семьсот за коалиционно-буржуазное

правительство, тысяча семьсот за коалиционно-социалистическое. Воздержалось двое: Чернов и я. Но если бы и голосовали, то все же голоса разделились бы поровну, так как Чернов предлагал ввести левых кадетов и был бы на одной стороне, а я на другой.

На этом и кончилось Совецание. Выбрали, правда, предпарламент, но это был уже совсем пустой шаг.

Когда меня спросили, что дало демократическое совещание, я по чистой совести ответил: головную боль и окурки папирос в коридорах.

Вскоре я оставил Викжель. После провала моей комбинации составления Ц.И.К. и избрания партийно-коалиционного состава, я знал, что будет много политики и мало практического дела. Это не отвечало моим целям. Я готовил уход из Комитета. Сперва я ждал приезда всех членов Ц.И.К., потом меня приковало дело Корнилова. В такие минуты уходить с поста нельзя. Затем задержало Демократическое Совецание. После него я уехал в Москву, где пребывал Викжель. Там в течение нескольких дней я вполне добросовестно пытался повести дело так, как его понимал. Увидел, что ничего не выйдет, и только тогда уже подал в отставку. [...]».